

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

**ДЕЛО «ЛЯТИФИ ПРОТИВ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
МАКЕДОНИЯ»**

(Заявление №19017/16)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

17 МАЯ 2018 Г.

Настоящее постановление станет окончательным на условиях, определенных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

В деле «Лятифи против Бывшей Югославской Республики Македония»,
Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

Линос-Александр Сицильянос, *Председатель,*

Алеш Пейчал,

Кшиштоф Войтишек,

Ксения Туркович,

Армен Харутюнян,

Тим Эйке,

Йован Илиевски, *судьи,*

и Абель Кампос, *Секретарь Секции,*

после закрытого заседания 3 апреля 2018 г.

выносит следующее постановление, принятое в указанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было открыто по заявлению (№19017/16) в отношении бывшей Югославской Республики Македония, поданному в Суд на основании статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданкой Сербии, г-жой Джилизаре Лятифи («заявительница»), 1 апреля 2016 г.

2. Заявительницу представлял г-н А. Годзо, адвокат, практикующий в г. Охрид. Правительство Македонии («Правительство») представлял их бывший уполномоченный, г-н К. Богданов, а затем - его преемник, нынешний уполномоченный Правительства, г-жа Д. Дьенова.

3. Правительство Сербии не воспользовалось своим правом на участие в процессе в качестве третьей стороны (пункт 1 статьи 36 Конвенции).

4. Заявительница утверждала, что ей не предоставили минимальные процедурные гарантии во время процедур, в ходе которых от нее потребовали покинуть Государство-ответчик. Она также жаловалась, что последующие процедуры судебного контроля не были эффективным средством правовой защиты в этом отношении.

5. 25 августа 2016 г. упомянутые выше жалобы были направлены Правительству, а оставшаяся часть заявления была объявлена неприемлемой в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявительница родилась в 1991 г. и проживает в Скопье.

A . Общая информация по делу и процедурам прекращения предоставления убежища заявителнице

7. В 1999 г. заявительница (которой на тот момент было восемь лет) сбежала из Косово¹ со своей семьей (родителями и тремя братьями и сестрами) и обосновалась в Государстве-ответчике, где и проживает с тех пор. В 2005 г. ей было предоставлено

¹ Все упоминания о Косово, будь то о территории, институтах или населении, в этом тексте должны пониматься в полном соответствии с Резолюцией 1244 Совета безопасности Организации Объединенных Наций и без ущерба для статуса Косово.

убежище и разрешение на проживание. Она стала проживать в гражданском браке с гражданином Македонии, с которым у нее трое несовершеннолетних детей (дети также являются гражданами Македонии). Ее разрешение на проживание продлевали каждый год, вплоть до 3 февраля 2014 г., когда Министерство внутренних дел приняло решение прекратить предоставление ей убежища, постановив, что она представляет «угрозу для [национальной] безопасности». Принятию решения предшествовало собеседование, в ходе которого заявительница, которую представлял адвокат, подтвердила свое семейное положение и намерение выйти замуж за своего партнера. На собеседовании не обсуждался вопрос о том, что заявительница представляет угрозу для безопасности. В решении также было сказано:

«[заявительница] обязана покинуть Государство-ответчик в течение двадцати дней с момента получения окончательного решения».

8. Заявительница через адвоката обжаловала это решение как произвольное. Она утверждала, что доказательства того, что ее присутствие в Государстве-ответчике представляет собой угрозу национальной безопасности, отсутствуют. Кроме того, ей не предоставили возможность оспорить ни одно из таких доказательств.

9. 3 июля 2014 г. Административный суд отклонил апелляцию заявительницы и оставил в силе решение Министерства, отметив, что последнее получило секретную письменную записку (*службена белешка со назнака за доверлив документ*) от Службы безопасности и контрразведки («Разведывательная служба»), в которой указывалось, что она представляет угрозу национальной безопасности. Суд не предоставил никаких дополнительных подробностей относительно этого документа. Соответственно, он вынес решение о том, что оспариваемые процедуры были законны.

10. Представитель заявительницы обжаловал это решение в Высшем административном суде, повторив приведенные ранее доводы. Кроме того, она утверждала, что используемая Административным судом формулировка предполагает наличие некоторых документов, на которых основывалось оспариваемое решение. Однако, ей не предоставили возможность ознакомиться с этими доказательствами или прокомментировать их.

11. Решением от 1 июля 2015 г., врученным заявительнице 6 октября 2015 г., Высший административный суд отклонил апелляцию заявительницы и оставил в силе решение Министерства. Соответствующая часть решения звучит следующим образом:

«... [Министерство] вынесло решение на основании ... секретной информации, полученной от соответствующего органа, (которая) неоспоримо доказывает, что ее присутствие в (Государстве-ответчике) представляет собой угрозу его безопасности.

Высший административный суд изучил утверждения (заявительницы) ... о том, что ей и ее представителю не была направлена информация, предоставленная соответствующим органом Министерства внутренних дел, но считает их не имеющими отношения к делу ...»

В . Другая информация

12. В ходе разбирательства в Суде Правительство представило отредактированную версию секретной записки, которую Разведывательная служба направила в Министерство внутренних дел 19 сентября 2013 г. Соответствующие части этой записки звучат следующим образом:

«... по результатам проверок [заявительницы] на предмет безопасности было установлено, что признание ее статуса лица, получившего убежище, было бы угрозой для (национальной) безопасности [Государства-ответчика].

Было установлено, что ее (скрытый текст) ... являются исполнителями десятков преступлений (серьезные кражи, воровство и акты укрывательства). Заявительница знала обо всех преступлениях, совершаемых ее (скрытый текст) ... и поддерживала их. Также она проживала в гражданском браке с М.М. с целью получения денежного пособия, на которое она имела право после предоставления убежища.

При таких обстоятельствах, мы придерживаемся мнения, что ей не следует предоставлять

убежище в [Государстве-ответчике]».

13. 11 ноября 2015 г. Министерство удовлетворило запрос заявительницы о выезде из Государства-ответчика с целью, как она утверждала, получения в органах власти Сербии документов для заключения брака с ее гражданским супругом в Государстве-ответчике. Ей разрешили повторно въехать в Государство-ответчик в январе 2016 г., спустя месяц после истечения срока для возвращения в Государство-ответчик. В феврале 2016 г. она обратилась в Министерство с целью подачи соответствующих документов.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

A. Закон о предоставлении убежища и дополнительной защиты

14. В статье 6(2) этого Закона предусматривается, что иностранцу не может быть предоставлено убежище или дополнительная защита, если он или она представляют собой угрозу национальной безопасности.

15. В отношении прав на социальную защиту (*права од социјална заштита*), лицо, получающее дополнительную защиту, обладает тем же статусом, что и гражданин Государства-ответчика (статья 60).

B. Закон об иностранцах

16. В статье 49(3) Закона об иностранцах предусматривается, что карта временного проживания может быть выдана иностранцу, который пребывает в тесных семейных отношениях с гражданином Македонии.

III. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Пояснительный доклад к Протоколу №7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, г. Страсбург, 22 ноября 1984 г.

17. Соответствующие части этого Пояснительного доклада звучат следующим образом:

«9. Что касается сферы применения этой статьи, то она распространяется исключительно на иностранцев, проживающих на территории рассматриваемого Государства на законных основаниях.

...

10. Понятие «высылка» используется в самом общем смысле как означающее любую меру, обязывающую иностранца покинуть территорию, но не включает экстрадицию. В этом смысле высылка - автономное понятие, не зависящее от какого-либо определения, содержащегося в национальном законодательстве ...»

ПРАВО

I ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА №7 К КОНВЕНЦИИ

18. Жалоба заявительницы на основании статьи 6 Конвенции касалась отсутствия доказательств того, что она представляет собой угрозу национальной безопасности Государства-ответчика, а также того, что ей не предоставили возможность ознакомиться ни

с одним из таких доказательств и прокомментировать их. Кроме того, органы власти не представили основания для своих решений. Суд, в компетенцию которого входит давать правовую характеристику фактам дела (см. дело «Радомилья и другие против Хорватии» (*Radomilja and Others v. Croatia*) [БП] №37685/10, п. 124, 20 марта 2018 г.; дело «Седерман против Швеции» (*Söderman v. Sweden*) [БП], №5786/08, п. 57, ЕСПЧ, 2013 г., и дело «Моретти и Бенедетти против Италии» (*Moretti and Benedetti v. Italy*), №16318/07, п. 27, 27 апреля 2010 г.), считает, что жалобы заявительницы следует анализировать с точки зрения статьи 1 Протокола №7 к Конвенции. Эта статья звучит следующим образом:

«1. Иностранец, на законных основаниях проживающий на территории какого-либо Государства, не может быть выслан из него иначе как во исполнение решения, принятого в соответствии с законом, и ему должны быть обеспечены:

- (a) возможность представить аргументы против своей высылки,
- (b) право на пересмотр его дела, а также
- (c) для этих целей возможность представления его интересов перед компетентным органом либо одним или несколькими лицами, назначенными таким органом.

2. Иностранец может быть выслан до осуществления своих прав, перечисленных в подпунктах (a), (b) и (c) пункта 1 настоящей статьи, если такая высылка необходима в интересах общественного порядка или обусловлена соображениями национальной безопасности».

А. Приемлемость

1. Применимость статьи 1 Протокола №7

(a) Представления сторон

19. Представители Правительства оспорили применимость в настоящем деле статьи 1 Протокола №7, поскольку не было принято никакого распоряжения, решения или меры с целью выслать заявительницу из Государства-ответчика. Распоряжение, содержащееся в решении Министерства (пункт 7 выше), касалось срока, в течение которого заявительнице было предложено добровольно покинуть территорию Государства-ответчика. Они призвали Суд принять во внимание Пояснительный доклад к Протоколу №7 к Конвенции (пункт 17 выше). Согласно доводам представителей Правительства, «высылка является автономным понятием, касающимся мер или действий, направленных на принудительное выдворение лица за пределы территории одного государства на территорию другого». Они заявляли об отсутствии опасности высылки заявительницы в будущем. В этой связи они заявили об отсутствии примеров случаев принудительного выдворения какого бы то ни было лица, проживавшего в Государстве-ответчике в связи с кризисом в Косово 1999 г.

20. Заявительница оспорила возражение Правительства. Она утверждала, что согласно оспариваемому решению Министерства ей было предписано покинуть Государство-ответчик в течение двадцати дней момента его вступления в силу. Этот срок давно прошел, и обеспечение его исполнения не зависит от какого-либо последующего решения. Соответственно, ей угрожает неминуемая принудительная высылка в любое время.

(b) Оценка Суда

21. Суд отмечает, что специальные гарантии, предусмотренные в статье 1 Протокола №7 к Конвенции, применяются по отношению к высылке иностранцев, которые на законных основаниях проживают на территории какого-либо государства, ратифицировавшего этот Протокол (см. дело «Лупса против Румынии» (*Lupsa v. Romania*), №10337/04, пп. 51 и 52, ЕСПЧ 2006-VII). Факт законного на тот момент проживания заявительницы в Государстве-ответчике не оспаривался. Возражение Правительства по этому поводу касалось предполагаемого отсутствия распоряжения о высылке или любой

другой меры, предпринятой национальными органами власти с целью высылки заявительницы из Государства-ответчика. Соответственно, Суд ограничится рассмотрением вопроса о том, может ли ситуация заявительницы после оспариваемого решения Министерства подпадать под понятие «высылка» в значении статьи 1 Протокола №7 к Конвенции.

22. В этой связи Суд отмечает, что решение Министерства от 3 февраля 2014 г. имело прекращающее действие по отношению к предоставлению заявительнице убежища в Государстве-ответчике, которым она пользовалась с 2005 г. и которое является единственным основанием для ее законного проживания. В этом решении содержалось также четкое распоряжение, обязывающее заявительницу покинуть Государство-ответчик в течение указанного срока (см. пункт 7 выше). Суд отмечает, что это распоряжение не было отменено или иным образом признано недействительным. Кроме того, не было решения какого-либо национального органа власти, в соответствии с которым исполнение этого распоряжения было приостановлено или заявительнице предоставлено разрешение на пребывание в Государстве-ответчике (см. дело «Саид против Дании» (*Saeed v. Denmark*) (dec.), №53/12, п. 7, 24 июня 2014 г.). Более того, как утверждала заявительница, а Правительство это не оспаривало, исполнение этого распоряжения не зависит от каких-либо дальнейших формальных требований. Соответственно, заявительнице угрожает высылка в любое время. Тот факт, что заявительнице предоставили разовое разрешение покинуть Государство-ответчик и вернуться в него (см. пункт 13 выше), равно как и тот факт, что на данный момент распоряжение не исполнено, не достаточны для того, чтобы Суд заключил, что распоряжение, обязывающее заявительницу покинуть Государство-ответчик, более не действует или же не может привести к ее высылке. Как единоразовое разрешение на выезд, так и снисходительность органов власти в отношении дальнейшего пребывания заявительницы в Государстве-ответчике являлись следствием решений, принятых в рамках осуществления их дискреционных полномочий, и не базировались на каких-либо законных основаниях. Аналогичные соображения применяются к утверждению о том, что ни один человек, проживающий в Государстве-ответчике на тех же основаниях, что и заявительница, не был принудительно выдворен (см. пункт 19 выше).

23. При таких обстоятельствах Суд убежден в том, что окончательное решение Министерства от 3 февраля 2014 г., согласно которому заявительнице предписывается покинуть Государство-ответчик, должно рассматриваться (для всех практических целей) как принятая в отношении нее мера по высылке, которая подпадает под сферу действия статьи 1 Протокола №7 к Конвенции (см. пункт 17 выше). Таким образом, возражение Правительства должно быть отклонено.

2. *Неисчерпание национальных средств правовой защиты*

(a) **Представления сторон**

24. Представители Правительства утверждали, что заявительница не исчерпала все эффективные средства правовой защиты. В частности, она не воспользовалась возможностью, предусмотренной в статье 49 Закона об иностранцах (пункт 16 выше), для урегулирования своего пребывания в Государстве-ответчике.

25. Заявительница настаивала на том, что предложенный Правительством правовой путь нельзя рассматривать как средство правовой защиты, с помощью которого можно обжаловать принятое в отношении нее распоряжение о высылке. Это было просто требование урегулирования ее пребывания в Государстве-ответчике. С учетом выводов национальных органов власти о том, что она представляет собой угрозу национальной безопасности, у такого ходатайства не было шансов на успех.

(b) Оценка Суда

26. Общие принципы относительно правила исчерпания согласно пункту 1 статьи 35 Конвенции изложены в деле «Вукович и другие против Сербии» (*Vučković and Others v. Serbia*) ((предварительное возражение), [БП], №№17153/11 и еще 29, пп. 70-77, 25 марта 2014 г.).

27. В этом контексте Суд считает уместным повторить, что согласно обязательству по исчерпанию национальных средств правовой защиты требуется, чтобы заявитель в обычном порядке воспользовался средствами правовой защиты, которые доступны и достаточны в отношении его или ее жалоб по Конвенции. Средство правовой защиты эффективно тогда, когда с его помощью возможно прямо урегулировать оспариваемую ситуацию и обеспечить обоснованные перспективы ее успешного разрешения. Не достаточно того, что заявитель, возможно, безуспешно воспользовался другим средством правовой защиты, в рамках которого оспариваемая мера возможно была отменена на других основаниях, не связанных с жалобой на нарушение права, предусмотренного согласно Конвенции. Для того, чтобы были исчерпаны «эффективные средства правовой защиты», на национальном уровне должна была быть рассмотрена именно жалоба на основании Конвенции (см. там же пп. 71 - 75).

28. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что заявление Правительства о том, что не были исчерпаны все средства правовой защиты, основывается на том, что заявительница не обратилась за разрешением на временное проживание в Государстве-ответчике согласно статье 49 Закона об иностранцах. Однако, не было представлено какого-либо довода или примера национальной практики относительно того, что подобное ходатайство приведет к пересмотру процедуры, которой следует Министерство при проведении оценки риска и выдаче распоряжения, обязывающего заявителя покинуть Государство-ответчик. Действительно, ничто не свидетельствует о том, что ходатайство о временном проживании могло прямо урегулировать представленные Суду жалобы заявительницы, а именно, о том, что ей не предоставили минимальные процедурные гарантии защиты ее интересов в оспариваемых процедурах. Кроме того, Суду не были представлены какие-либо доказательства того, что ходатайство о временном проживании, поданное иностранцем, которого сочли представляющим угрозу национальной безопасности (как сочли заявительницу), было бы удовлетворено. Предполагая, что заявительница возможно смогла бы урегулировать свое пребывание в Государстве-ответчике на основе такого ходатайства, необходимо отметить, что это решение опиралось бы на фактор семейных обстоятельств, не связанных с ее жалобами, поданными в Суд. По этим причинам Суд отклоняет возражение Правительства в отношении того, что не были исчерпаны все средств правовой защиты.

29. Суд заключает, что это заявление не является явно необоснованным в значении подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Никаких других оснований для объявления его неприемлемым установлено не было.

В. Суть

1. Представления сторон

30. Заявительница повторила свои жалобы о том, что ей не предоставили минимальные процедурные гарантии, предусмотренные в рассматриваемой статье. Ей вообще не направили секретную записку Разведывательной службы (см. пункт 12 выше). Кроме того, доводы, представленные в поддержку ее апелляций в административных судах, не были обстоятельно и тщательно рассмотрены. В частности, суды не представили оснований для своих решений.

31. Представители Правительства утверждали, что оспариваемое решение было вынесено компетентным органом и что у него есть законодательная основа (пункт 14 выше). До принятия этого решения и после его вступления в силу, с заявительницей,

которую представлял адвокат, проводились собеседования (пункты 7 и 13 выше). На этих собеседованиях представители органов власти рекомендовали ей урегулировать свое пребывание по семейным обстоятельствам. Кроме того, суды двух уровней осуществили судебный контроль в отношении ее дела. В любом случае, с учетом наличия соображений национальной безопасности, оспариваемое решение было оправданным согласно пункту 2 статьи 1 Протокола №7.

2. Оценка Суда

32. В случае высылки, в дополнение к защите, предоставляемой согласно статьям 3, 8 и 13 Конвенции, иностранцы, на законных основаниях проживающие на территории ратифицировавшего Протокол №7 государства, пользуются специальными гарантиями, предусмотренными в статье 1 этого Протокола (см. дело «С.Г и другие против Болгарии» (*C.G. and Others v. Bulgaria*), №1365/07, п. 70, 24 апреля 2008 г.).

33. Суд отмечает, что первая гарантия, предоставляемая упоминаемым в этой статье лицам, состоит в том, что они «не могут быть высланы ... иначе как во исполнение решения, принятого в соответствии с законом». Поскольку слово «закон» относится к национальному закону, упоминание о нем, как и во всех положениях Конвенции, касается не только наличия правовой основы в национальном законе, но и качества рассматриваемого закона: он должен быть доступен и предсказуем, а также должен предусматривать меру защиты от произвольного вмешательства со стороны государственных органов власти в защищаемые Конвенцией права (см. там же, п. 39 и упоминаемое выше дело Лупса (*Lupsa*), п. 55).

34. В данном деле Суд убежден, что статья 6(2) Закона о предоставлении убежища и дополнительной защиты представляет собой правовое положение, которое лежит в основе распоряжения, обязывающего заявительницу покинуть Государство-ответчик. Соответственно, он приходит к выводу, что у оспариваемой меры есть основа в национальном законе.

35. Поскольку оспариваемое распоряжение основывалось на соображениях национальной безопасности, Суд постановил, что требование о предсказуемости не является настолько широким, чтобы обязывать государства принимать правовые положения, содержащие подробный перечень всех действий, которые могут привести к решению о высылке какого-либо лица по соображениям национальной безопасности. Однако, даже если речь идет о национальной безопасности, согласно концепциям законности и верховенства права в демократическом обществе требуется, чтобы меры по депортации, затрагивающие основополагающие права человека, были предметом рассмотрения в состязательном процессе какой-либо формы в независимом органе власти или суде, обладающем компетенцией для эффективного тщательного изучения оснований этих мер и пересмотра соответствующих доказательств, при необходимости - с надлежащими процедурными ограничениями на использование секретной информации. Лицо должно иметь возможность обжаловать утверждение органа исполнительной власти в отношении угрозы национальной безопасности. Хотя оценка органа исполнительной власти относительно того, что представляет угрозу национальной безопасности, безусловно, будет иметь существенное значение, независимый орган власти или суд должны иметь возможность отреагировать на те случаи, когда применение этого понятия не имеет разумного фактического основания или свидетельствует о незаконном, противоречащем здравому смыслу или произвольном толковании понятия «национальная безопасность» (см. упоминаемое выше дело «С.Г. и другие» (*C.G. and Others*), п. 40).

36. Суд отмечает, что в распоряжении Министерства, согласно которому заявительница должна покинуть государство, просто указано, что эта мера принята потому,

что она «[представляет] угрозу [национальной] безопасности». Такое общее утверждение, в котором не содержатся никакие указания на факты, служащие основой для этой оценки, было признано без каких-либо дополнительных деталей в ходе последующих процедур судебного контроля. Административные суды обоих уровней лишь добавили, что Министерство пришло к такому заключению на основе секретного документа, полученного от Разведывательной службы.

37. В разбирательствах в этом Суде Правительство представило отредактированную версию этого секретного документа, предположительно послужившего основанием, на котором базировалась оспариваемая оценка. Единственным фактом из этого документа, которого было достаточно, чтобы счесть заявительницу угрозой безопасности, была ее осведомленность об участии других людей в совершении многочисленных краж и в укрывательстве, а также поддержка такого участия (см. пункт 12 выше). В документе не содержится указание, позволяющее установить количество этих лиц и их личности или отношения с ними заявительницы, если таковые имеют место. Кроме того, в нем утверждалось, что заявительница проживала в гражданском браке с гражданином Македонии и получала денежное пособие на основании того, что ей было предоставлено убежище.

38. Суд отмечает, что никаких других фактических деталей в поддержку этих утверждений в отношении заявительницы представлено не было. Более того, в отношении нее не были возбуждены никакие разбирательства в связи с ее участием в совершении какого-либо преступления в Государстве-ответчике или в любой другой стране.

39. Далее Суд отмечает, что кроме упомянутого выше общего утверждения, органы власти не предоставили заявительнице ни малейшего указания на основания, заложенные в основу их оценки. С секретной запиской Разведывательной службы, которая была представлена в ходе разбирательств в этом Суде в отредактированной форме, ни при каких условиях не было возможности ознакомиться в ходе оспариваемых процедур в Министерстве. При отсутствии даже краткого изложения фактов, которые послужили основой для этой оценки, заявительница не могла надлежащим образом представлять свое дело в последующих процедурах судебного контроля.

40. Наконец, нет никаких оснований полагать, что эта секретная записка Разведывательной службы, не говоря уже о каких-либо дополнительных фактических деталях, была предоставлена административным судам для проверки того факта, что заявительница действительно представляет собой угрозу национальной безопасности. При таких обстоятельствах Суд считает, что суды ограничились исключительно формальным рассмотрением оспариваемого распоряжения. В любом случае, они не дали пояснений, хотя бы упрощенно, относительно важности сохранения конфиденциальности этого документа или масштаба пересмотра, который они осуществили (см. дело «Регнер против Чешской Республики» (*Regner v. the Czech Republic*) [БП], №35289/11, пп. 158-160, ЕСПЧ 2017 (выдержки)). Соответственно, они не провели тщательную проверку утверждения исполнительного органа власти о том, что заявительница представляет угрозу национальной безопасности (см. там же пп. 43 и 44; упоминаемое выше дело Лупса (*Lupsa*), п. 41; и дело «Кайя против Румынии» (*Kaya v. Romania*), №33970/05, п. 42, 12 октября 2006 г.).

41. Суду не нужно изучать довод Правительства об оправданности оспариваемой меры согласно пункту 2 статьи 1 Протокола №7, поскольку это положение касается ситуаций, при которых иностранцы уже были высланы, что не соответствует ситуации в настоящем деле.

42. С учетом вышеизложенного, Суд приходит к выводу, что в данном случае имело место нарушение подпунктов (а) и (б) пункта 1 статьи 1 Протокола №7 к Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

43. Жалоба Заявительницы также касалась вопроса о том, что административные суды не обеспечили эффективный пересмотр ее дела. Она сослалась на статью 13 Конвенции.

44. Суд отмечает, что эта жалоба связана с рассмотренной выше и потому также должна быть объявлена приемлемой.

45. С учетом вывода о нарушении по статье 1 Протокола №7 в результате непроведения национальными судами надлежащей проверки того, действительно ли оспариваемое распоряжение было выдано по соображениям национальной безопасности (см. пункт 42 выше), Суд считает, что нет необходимости в рассмотрении вопроса о том, имело ли место в данном случае также нарушение статьи 13 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

46. В статье 41 Конвенции предусматривается следующее:

«Если Суд признает факт нарушения Конвенции или Протоколов к ней и если внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны предусматривает лишь частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет потерпевшей стороне справедливую сатисфакцию».

A. Ущерб

47. Заявительница предъявила требование в размере 5 000 евро (EUR) в качестве компенсации морального ущерба.

48. Представители Правительства оспорили это требование как необоснованное и чрезмерное. Они утверждали, что заявительница может обратиться с вопросом о возобновлении процедур, если Суд установит нарушение Конвенции.

49. Суд считает, что заявительница понесла моральный ущерб в связи с установленным нарушением. Принимая решение на справедливой основе, согласно требованиям статьи 41 Конвенции, он присуждает ей 2 400 евро в качестве компенсации морального ущерба, плюс любые налоги, которые могут быть начислены.

B. Судебные расходы и издержки

50. Заявительница также предъявила требование в размере 4 490 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в связи с рассмотрением дела d Суде. Эта сумма касалась расходов на оплату юридических услуг в связи с подготовкой формы заявления и комментариев к возражениям Правительства, которые были рассчитаны в соответствии с тарифами Македонской коллегии адвокатов. Она обратилась с просьбой о том, чтобы любая присужденная ей по этой статье сумма была напрямую перечислена ее юридическому представителю.

51. Правительство оспорило это требование как необоснованное и чрезмерное. Утверждалось, что заявительница не представила правового документа, согласно которому ей необходимо заплатить заявленную сумму. Более того, это дело было частью проекта, который реализовывался местной неправительственной организацией, оплатившей все связанные с ним расходы. В любом случае, все заявленные расходы не были фактическими понесенными и необходимыми, а сумма требования не является обоснованной.

52. Согласно прецедентной практике Суда, заявитель имеет право на компенсацию судебных расходов и издержек только в том случае, если будет доказано, что они были фактическими и необходимыми, а их размер обоснован (см. дело «Компания «Плон» против Франции» (*Editions Plon v. France*), №58148/00, п. 64, ЕСПЧ 2004-IV). То есть заявитель должен был их оплатить или обязан их оплатить во исполнение правового

или контрактного обязательства, и их нельзя было избежать для того, чтобы предотвратить установленное нарушение или восстановить справедливость (см. дело «Белчев против Болгарии» (*Belchev v. Bulgaria*), №39270/98, п. 113, 8 апреля 2004 г., и дело «Хайнал против Сербии» (*Hajnal v. Serbia*), №36937/06, п. 154, 19 июня 2012 г.). В настоящем деле, с учетом находящихся в распоряжении Суда документов и вышеперечисленных критериев, Суд считает целесообразным присудить сумму в размере 1 600 евро для покрытия расходов, понесенных в связи с рассмотрением дела в Суде, плюс любой налог, который может быть начислен заявительнице. Эта сумма должна быть перечислена на банковский счет представителя заявительницы.

С. Пеня

53. Суд считает целесообразным установить пенью, исходя из размера предельной ставки по займам Европейского центрального банка, к которой должно быть добавлено три процентных пункта.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД:

1. *Объявляет*, единогласно, заявление приемлемым;
2. *Постановляет*, шестью голосами против одного, что имело место нарушение подпунктов (а) и (b) пункта 1 статьи 1 Протокола №7 к Конвенции;
3. *Постановляет*, единогласно, что нет необходимости в рассмотрении жалобы по статье 13 Конвенции.
4. *Постановляет*, единогласно, что
 - (а) Государство-ответчик должно в течение трех месяцев с даты вступления этого постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, выплатить заявительнице следующие суммы, которые должны быть конвертированы в валюту Государства-ответчика по курсу на дату осуществления платежа:
 - (i) 2 400 евро (две тысячи четыреста евро), плюс любой налог, который может быть начислен, - в порядке компенсации морального ущерба; и
 - (ii) 1 600 евро (одна тысяча шестьсот евро), плюс любой налог, который может быть начислен заявительнице, - в порядке компенсации судебных расходов и издержек;
 - (b) по истечении указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанные суммы должны начисляться простые проценты в размере предельной ставки по займам Европейского центрального банка, действующей в период невыплаты, плюс три процентных пункта;
5. *Отклоняет*, единогласно, оставшуюся часть требования заявительницы о справедливой сатисфакции;

Составлено на английском языке и уведомлено в письменном виде 17 мая 2018 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Абель Кампос
Секретарь

Линос-Александр Сицильянос
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к этому постановлению прилагаются следующие отдельные мнения:

- (a) Мнение судьи Сицильяноса, совпадающее с позицией большинства состава Суда;
- (b) Особое мнение судьи Эйке, частично не совпадающее с позицией большинства состава Суда.

L.A.S.
A.C.

МНЕНИЕ СУДЬИ СИЦИЛЬЯНОСА, СОВПАДАЮЩЕЕ С ПОЗИЦИЕЙ БОЛЬШИНСТВА СОСТАВА СУДА

1 В своем особом мнении, частично не совпадающем с позицией большинства состава Суда, мой многоуважаемый и почтенный коллега, судья Эйке, поднимает интересный вопрос, касающийся природы нарушения в данном деле статьи 1 Протокола №7 к Конвенции. Согласно постановлению, имело место *фактическое* нарушение этого положения, поскольку не были соблюдены некоторые из содержащихся в нем процедурных гарантий. Это можно увидеть в пункте 2 резолютивной части, согласно которой «... *имело место* нарушение подпунктов (а) и (b) пункта 1 статьи 1 Протокола №7 к Конвенции» (выделено мною). Согласно мнению судьи Эйке, это не фактическое, а скорее «гипотетическое» нарушение статьи 1 Протокола №7. Вместо этого он заключил бы, что в данном случае:

«если бы заявительницу выслали на основании решения от 3 февраля 2014 г., то имело бы место нарушение статьи 1 Протокола №7 к Конвенции» (см. с необходимыми изменениями (*mutatis mutandis*) пункты 1 и 3 резолютивной части постановления по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*) [БП], №41738/10, ЕСПЧ 2016-I) или даже, что «если заявительницу вышлют на основании решения от 3 февраля 2014 г., то будет иметь место нарушение статьи 1 Протокола №7 к Конвенции» (см. с необходимыми изменениями пункт 3 резолютивной части постановления по делу «Султани против Франции» (*Sultani v. France*), №45223/05, ЕСПЧ 2007-IV (выдержки)).

2 При всем уважении, я не согласен с этим подходом по следующим причинам.

3 Статья 1 Протокола №7 не касается существенных оснований для высылки. В ней лишь уделено внимание ряду процедурных гарантий. Она предназначена для *повышения эффективности уже существующих положений* относительно иностранцев, как в Конвенции (согласно толкованию тогдашней Европейской Комиссии и Суда), так и в других международных инструментах. Это четко указано в Пояснительном докладе к Протоколу №7:

«6. В соответствии со сделанным во введении замечанием общего характера (см. выше, пункт 4), подчеркивается, что когда в отношении иностранца, на законных основаниях проживающего на территории государства-члена Совета Европы, принимается мера по высылке, он уже пользуется определенными гарантиями, а именно предоставляемыми согласно статьям 3 (запрет бесчеловечного или унижающего достоинство обращения) и 8 (право на уважение частной и семейной жизни), совместно со статьей 13 (право на эффективное средство правовой защиты в национальном органе власти) Европейской Конвенции о защите прав человека, согласно толкованию Европейской Комиссии и Суда по правам человека, и - в государствах-участниках - предоставляемые согласно Европейской конвенции о месте постоянного проживания от 1955 г. (статья 3), Европейской социальной хартии от 1957 г. (статья 48), Женевской конвенции о статусе беженцев от 1951 г. (статьи 32 и 33), а также согласно Пакту Организации Объединенных Наций о гражданских и политических правах от 1966 г. (статья 13).

7. Данная статья, в которой учтены права, тем самым признанные за иностранцами, дополнила Европейскую конвенцию о правах человека, чтобы предоставить таким лицам минимальные гарантии в случае высылки за пределы территории Договаривающейся стороны. *Добавление этой статьи позволяет предоставить защиту в тех случаях, которые не охватываются другими международными инструментами, и допускает обеспечение такой защиты в рамках системы контроля, предусмотренной в Европейской Конвенции о правах человека*» (Пояснительный доклад к Протоколу №7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ETS 117, пункты 6 - 7, выделено мною).

4 Как было отмечено Комитетом ООН по правам человека в отношении соответствующего положения Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) - статья 13 МПГПП - цель содержащихся в нем процедурных гарантий «очевидно состоит в предотвращении произвольной высылки» (Общий комментарий к ПГПП №15/27 (1986 г)): «Положение иностранцев, на которых распространяется действие Пакта», пункт 10). Та же идея, с необходимыми изменениями (*mutatis mutandis*), применима по отношению к гарантиям, содержащимся в статье 1. Другими словами, процедурные

гарантии статьи 1 имеют превентивный характер: предусмотреть доступную и предсказуемую правовую основу для высылки, а также обеспечить возможность соответствующему иностранцу представить аргументы против своей высылки, право на пересмотр его дела и возможность представления его интересов для этих целей перед компетентным органом. Это - квинтэссенция обязательств государств-участников Протокола №7 по его статье 1. *Что действительно имеет значение согласно этому положению, так это сама процедура.*

5 Чтобы процедурные права, признанные в статье 1 Протокола №7, были действительно эффективными, они в принципе должны реализовываться до исполнения распоряжения о высылке. Принятие противоположной точки зрения существенно уменьшило бы их эффективность. Это толкование соответствует общему превентивному характеру статьи 1 Протокола №7, а также пункту 2 этого положения, в котором представлено исключение из этой нормы - если такая высылка «необходима в интересах общественного порядка или обусловлена соображениями национальной безопасности». Такое толкование четко прослеживается в Пояснительном докладе:

«15. Как правило, у иностранца должно быть право осуществить свои права, предусмотренные в подпунктах (а), (b) и (с) пункта 1, до того, как его вышлют. Однако, согласно пункту 2 допускается сделать исключения и предусматриваются случаи, при которых высылка до осуществления этих прав считается необходимой в интересах общественного порядка или при которых ссылаются на соображения национальной безопасности. Эти исключения должны применяться с учетом принципов соразмерности, как определено в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека. ...» (упоминаемый выше Пояснительный доклад, пункт 15)».

6 Действительно, наиболее распространенным «сценарием» (относительно небольшого количества) дел, касающихся статьи 1 Протокола №7, является тот, при котором лицо подает заявление в Суд после своей высылки (см., например, дело «Такуш против Греции» (*Takush v. Greece*), №2853/09, 17 января 2012 г., с дополнительными ссылками). В настоящем деле, напротив, заявительницу (еще) не выслали. Однако, исполнение распоряжения, обязывающего заявительницу покинуть Государство-ответчик, не зависит ни от каких формальных условий. Соответственно, заявительнице угрожает высылка в любое время (пункт 22 данного постановления). Это имеет значение не только для целей применимости статьи 1. Это также необходимое и достаточное условие для вывода о нарушении статьи 1 Протокола №7, если предусмотренные в ней гарантии не были соблюдены. Как отмечалось ранее, кроме предусмотренных в пункте 2 исключений, статья 1 Протокола №7 ориентирована на этап, предшествующий высылке. Если принять предположение о том, что задача и цель этого положения ввести ряд гарантий превентивного характера, направленных на защиту конкретного лица от произвольной высылки (см. выше, пункт 4), тогда кажется логичным принять также и то, что выдача распоряжения о выезде из страны, которое принято без соблюдения этих гарантий и может быть исполнено в любое время, приравнивается к нарушению статьи 1 Протокола №7.

7 В этом состоит основное отличие между статьей 1 Протокола №7 и статьей 3 Конвенции, как растолковано Судом в контексте высылки (например, в упоминаемом выше деле «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*) или в деле «J.K. против Швеции» (*J.K. v. Sweden*), №59166/12 [БП], 23 августа 2016 г., пп. 77 и след.). Статья 1 Протокола №7 в основном касается процедуры. Статья 3 Конвенции, главным образом, касается сути, то есть оценки по существу опасности того, что заявитель столкнется с жестоким обращением в случае его высылки в другую страну. Статья 1 Протокола №7 в основном касается этапа, предшествующего высылке. Статья 3 Конвенции ориентирована на будущее, то есть на опасность, с которой столкнется лицо после возможной высылки. Именно по этой причине Суд принял принцип рассмотрения опасности, с которой сталкивается заявитель, согласно статье 3 (а также согласно статье 2 Конвенции), при котором учитываются элементы, возникающие после вынесения решений на национальном уровне (см., например, дело «F.G. против Швеции» (*F.G. v. Sweden*) [БП], №43611/11, 23 марта 2016 г., особ. п. 157).

При таких обстоятельствах совершенно объяснимо и действительно необходимо установить только условное – «гипотетическое» - нарушение. Было бы немислимо постановить, что международная ответственность государства по Конвенции наступает в связи с тем, что не были оценены элементы, которые даже не были поданы в национальные органы власти. В более общем плане, вся *суть* статьи 1 Протокола №7 отличается от сути других положений Конвенции, применяющихся в контексте высылки, и особенно статьи 3. Поэтому, по моему мнению, неприемлемо проводить параллель между этими положениями и применять в обязательном порядке одинаковые решения.

8 Исходя из всего этого, я полагаю, что настоящее постановление является правильным в плане вывода о реальном, а не условном нарушении статьи 1 Протокола №7.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЭЙКЕ, ЧАСТИЧНО НЕ СОВПАДАЮЩЕЕ С ПОЗИЦИЕЙ БОЛЬШИНСТВА СОСТАВА СУДА

1 Хотя я согласен с позицией большинства состава Суда как (а) по вопросу отклонения предварительного возражения Правительства, связанного с предметом рассмотрения дела (*ratione materiae*), так и (б) с их выводом о том, что решение Министерства внутренних дел от 3 февраля 2014 г., а также решения Административного суда (3 июля 2014 г.) и Высшего административного суда (1 июля 2015 г.) не соответствуют требованиям пункта 1 статьи 1 Протокола №7 к Конвенции, я голосовал против пункта 2 резолютивной части этого постановления, в котором Суд заключил, что «... имело место нарушение подпунктов (а) и (б) пункта 1 статьи 1 Протокола №7 к Конвенции» (выделено мною).

2 По причине ряда фактических обстоятельств, относящихся к этому делу, я скорее заключил бы, что в данном случае «если бы заявительницу выслали на основании решения от 3 февраля 2014 г., то имело бы место нарушение статьи 1 Протокола №7 к Конвенции» (см. с необходимыми изменениями пункты 1 и 3 резолютивной части постановления по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*) [БП], №41738/10, ЕСПЧ 2016-I) или даже, что в данном случае «если заявительницу вышлют на основании решения от 3 февраля 2014 г., то будет иметь место нарушение статьи 1 Протокола №7 к Конвенции» (см. с необходимыми изменениями пункт 3 резолютивной части постановления по делу «Султани против Франции» (*Sultani v. France*), №45223/05, ЕСПЧ 2007-IV (выдержки)).

3 Позвольте мне кратко пояснить причины этого незначительного и, возможно, скорее технического расхождения во мнениях.

4 В статье 1 Протокола №7 к Конвенции, в той части, которая имеет отношение к делу, предусмотрено следующее:

«1. Иностранец, на законных основаниях проживающий на территории какого-либо государства, не может быть выслан из него иначе как во исполнение решения, принятого в соответствии с законом, и ему должны быть обеспечены:

(а) возможность представить аргументы против своей высылки,

(б) право на пересмотр его дела, и (с) ...

2. Иностранец может быть выслан до осуществления своих прав, перечисленных в подпунктах (а), (б) и (с) пункта 1 настоящей статьи, если такая высылка необходима в интересах общественного порядка или обусловлена соображениями национальной безопасности».

5 Тот факт, что заявительница «на законных основаниях проживала» на территории Государства-ответчика, не оспаривался. Государство-ответчик основывало свое возражение, связанное с предметом рассмотрения дела (*ratione materiae*), в частности, на том факте, что заявительницу (а) по сути, не «выслали» и она все еще проживает в Государстве-ответчике, а также на том, что (б) по факту, Министерство внутренних дел

предоставило ей разрешение покинуть страну и, что более важно, повторно въехать в нее (см. пункт 13 этого постановления). По сути дела, ей разрешили повторно въехать в страну «спустя месяц после истечения срока для возвращения» (см. там же). Согласно представлению Правительства, фактически в ее случае было не «решение о высылке», а всего лишь решение о прекращении ее права на убежище по соображениям национальной безопасности, в котором ее уведомили о том, что она «должна добровольно покинуть территорию Республики Македония» (пункт 3 письменных возражений Правительства Государства-ответчика).

6 В пункте 10 Пояснительного доклада к Протоколу №7 к Конвенции разъясняется, что понятие «высылка» в статье 1:

«... используется в самом общем смысле как означающее любую меру, обязывающую иностранца покинуть территорию, но не включает экстрадицию. В этом смысле высылка - автономное понятие, не зависящее от какого-либо определения, содержащегося в национальном законодательстве».

7 Этот подход, который также соответствует толкованию термина «высылка» в других положениях, содержащих эквивалентные обязательства, и применяется среди государств-членов Совета Европы или между ними и другими государствами, согласно таким международным инструментам, как Женевская конвенция о статусе беженцев 1951 г. (статья 32) и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (статья 13), был подтвержден Судом в нескольких делах, в которых ему пришлось рассматривать этот вопрос. Как следствие, в своем решении по делу «Болат против России» (*Bolat v. Russia*), №14139/03, п. 79, ЕСПЧ 2006-ХІ (выдержки), Суд постановил, что «понятие «высылка» - это автономное понятие, не зависящее от какого-либо определения, содержащегося в национальном законодательстве. За исключением экстрадиции, любая мера, обязывающая иностранца покинуть территорию, на которой он проживал на законных основаниях, представляет собой «высылку» в целях статьи 1 Протокола №7». Однако по фактам этого дела данный вопрос не вызвал никаких серьезных проблем, поскольку далее Суд пришел к выводу, что «нет никаких сомнений в том, что забирая заявителя из его дома и сажая его на борт самолета, направляющегося в Турцию, национальные органы власти выслали его из России».

8 Тем не менее, потенциальный охват автономного понятия «высылка» был разъяснен Судом в постановлении по делу «Нолан и К. против России» (*Nolan and K. v. Russia*), №2512/04, п. 112, 12 февраля 2009 г., в котором рассматриваемым решением было решение о высылке, препятствующее возвращению в Россию. Суд повторил свое определение в п. 79 дела Болата и постановил следующее:

«У Суда нет сомнений в том, что вынося решение такого характера, препятствующее возвращению заявителя в Россию после следующей поездки за границу, российские органы власти стремились предотвратить его повторный въезд на территорию России и вынудить его окончательно выехать из России. Поэтому можно считать, что заявителя «выслали».

9 В обоих этих случаях рассматриваемое решение вело к «окончательному выезду» заявителя за пределы государства-ответчика, что позволило Суду в обоих случаях установить, что «имело место нарушение статьи 1 Протокола №7».

10. И напротив, в настоящем деле не было «окончательного выезда» заявительницы за пределы территории Государства-ответчика; совсем наоборот, заявительнице, которая покинула территорию данного государства и оставалась за ее пределами сверх срока для повторного въезда, все равно (и несмотря на то, что она представляла собой угрозу национальной безопасности) предоставили разрешение на повторный въезд на территорию Государства-ответчика, где она и остается по сей день вместе со своей семьей.

11. Именно этот фактор привел меня к заключению о том, что если бы понятие «высылка» включало также ситуации, в которых рассматриваемое решение не приводит к выезду заявителя или не выполняется таким образом, чтобы привести к выезду заявителя

(«окончательному» или иному) за пределы государства-ответчика¹, это было бы излишним расширением автономного значения «высылка»; в конечном итоге, согласно статье 1 Протокола №7 к Конвенции запрещается именно высылка («не может быть выслан»), а не решение как таковое (*per se*). Как следствие, по моему мнению, любое нарушение статьи 1 Протокола №7 к Конвенции возникло бы или возникнет только в том случае, когда обеспечивается или был обеспечен выезд заявительницы за пределы территории Бывшей Югославской Республики Македония.

12. Однако, это заключение по сути возвращает нас к предварительному возражению Правительства Государства-ответчика, связанному с предметом рассмотрения дела (*ratione materiae*). Может возникнуть вопрос, почему вообще в таком случае эта жалоба подпадает под материальную сферу действия статьи 1 Протокола №7 к Конвенции, если, согласно представленным Суду фактам, не имеет места фактическая высылка?

13. По моему мнению, ответ заложен в основополагающей необходимости «... толковать и применять положения Конвенции таким образом, чтобы ее гарантии были практическими и эффективными (...). Кроме того, любое толкование гарантируемых прав и свобод должно соответствовать «общему духу Конвенции - инструмента, разработанного для поддержания и продвижения идеалов и ценностей демократического общества» (дело «Серинг против Великобритании» (*Soering v. the United Kingdom*), 7 июля 1989 г., п. 87, Серии А №161), а также характеру рассматриваемого в настоящем деле решения.

14. Заявительница следующим образом переводит (ответ заявительницы на письменные возражения Правительства в п. 5; перевод Правительства Государства-ответчика не оспаривается) соответствующие аспекты решения от 3 февраля 2014 г., согласно которым Министерство внутренних дел прекратило ее проживание на том основании, что она представляет собой «угрозу [национальной] безопасности», и предписало ей покинуть страну:

«Указанная выше [заявительница] обязана покинуть территорию Республики Македония в течение 20 дней после получения окончательного решения».

15. Поэтому, исходя из имеющихся у Суда доказательств, мне кажется очевидным, что это решение было прямо направлено на то, чтобы добиться выезда заявительницы за пределы территории Государства-ответчика, а значит, непосредственно подпадает под материальную сферу действия процедурных гарантий, предусмотренных в пункте 1 статьи 1 Протокола №7 к Конвенции. По моему мнению, отклонение какой бы то ни было жалобы в отношении такого решения как неприемлемой ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения (*ratione materiae*), исключительно на том основании, что заявитель остается на территории государства-ответчика на момент подачи своего заявления (и/или подает свое заявление до того, как его или ее фактически «вышлют»), сделает процедурные гарантии, предусмотренные в статье 1 Протокола №7, теоретическими и иллюзорными, а не практическими и эффективными.

16. Это также подчеркивается тем фактом, что согласно пункту 2 статьи 1

¹ См. в этом контексте ранее вынесенное решение по делу «Наумов против Албании» (*Naumov v. Albania* (Dec.)), №10513/03, 4 января 2005 г., в котором Суд рассмотрел вопрос о том, может ли понятие «высылка» распространяться на не исполненное распоряжение о депортации (возникшее из распоряжения о лишении заявителя его гражданства), и объявил жалобу по статье 1 Протокола №7 к Конвенции неприемлемой как явно необоснованную (а не ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения (*ratione materiae*)). Однако, Суд отметил, что «... фактически заявителя так и не выслали из Албании, не были предприняты никакие меры по обеспечению исполнения распоряжений полиции от 29 сентября или 5 октября 2001 г. Более того, заявитель смог представить аргументы против своей высылки, а его дело пересматривалось национальными судами, которые 20 марта 2003 г., после аннулирования президентского указа об отмене албанского гражданства заявителя, объявили эти распоряжения недействительными».

Протокола №7 к Конвенции (в отличие от статьи 13 МПГПШ или статьи 32 Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 г.) прямо разрешается высылка до осуществления прав, перечисленных в пункте 1 статьи 1 этого документа, но только в том случае, «если такая высылка необходима в интересах общественного порядка или обусловлена соображениями национальной безопасности». В настоящем деле Правительство Государства-ответчика не предприняло попытку сослаться на это исключение.